

— СОЦИОЛОГИЯ —

УДК 314.154.3(470-17)

ПОПОВА Лариса Алексеевна,
д. э. н., доцент, зам. директора по научной работе
ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН,
ЗЫРЯНОВА (ШИШКИНА) Мария Александровна,
м. н. с. ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН

Вклад демографической политики в повышение рождаемости в России и ее северных регионах

Аннотация

Во второй половине 2000-х гг. произошла активизация демографической политики в стране, направленной на стимулирование вторых и последующих рождений и улучшение уровня жизни семей с детьми. В большинстве северных регионов России осуществлен переход к малодетности, поэтому вопрос повышения рождаемости является актуальным. Целью исследования является определение степени влияния новых мер демографической политики (главным образом выплат федерального и регионального материнских (семейных) капиталов) на интенсивность рождаемости в России и ее северных регионах для оценки их эффективности. В ходе исследования был использован метод стандартизации возрастных коэффициентов рождаемости по коэффициентам 2006 г. – года, предшествовавшего введению современных демографических инициатив. Данный метод позволил элиминировать влияние на изменение уровня рождаемости возрастной структуры населения. Были рассчитаны гипотетические числа родившихся при реальной возрастной структуре, но при возрастных коэффициентах 2006 г., принятых за стандарт. Разница между реальными и гипотетическими рождениями показала число дополнительных рождений, которые произошли за счет увеличения интенсивности рождаемости. Выявлено, что за 2007-2015 гг. в период роста рождаемости в условиях просемейной демографической политики в России родилось почти на 20% (на 3,2 млн.) больше детей, чем их было бы при сохранении интенсивности рождаемости на уровне 2006 г. В северных регионах за счет повышения интенсивности произошло 195,6 тыс. дополнительных рождений. Нарращивание в 2011 г. просемейной политики региональными мерами определило увеличение вклада поведенческой компоненты в общий уровень рождаемости практически в два раза. Таким образом, выплата федерального и регионального материнских (семейных) капиталов значительно повлияла на увеличение интенсивности рождаемости. Ее наибольший рост происходил сразу после внедрения мер, стимулирующих рождаемость второй и третьей (последующей) очередности. Позитивным фактом является то, что современные меры демографической политики повлияли на улучшение материальных условий семей с детьми, в частности, способствовали улучшению жилищных условий. С другой стороны, резкое увеличение интенсивности рождаемости влечет за собой дальнейшее разряжение календаря рождений, что негативно скажется на перспективах рождаемости. Требуется поиск механизма демографической политики, учитывающего этот факт для формирования более равномерной динамики рождаемости, которая итак весьма неустойчива в России из-за сильных колебаний демографических волн.

Ключевые слова: рождаемость, демографическая политика, возрастная структура, интенсивность рождаемости, репродуктивное поведение, федеральный материнский (семейный) капитал, региональный материнский (семейный) капитал, метод стандартизации возрастных коэффициентов, воспроизводство населения, северные регионы.

Статья подготовлена в рамках темы НИР «Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России» (№ гос. регистрации АААА-А16-116021210329-2)

Введение

К факторам, определяющим уровень рождаемости в каждый конкретный период времени, относятся изменения структуры женщин детородного возраста, особенности календаря рождений (откладывание, реализация отсроченных рождений, уплотнение календаря рождений), размер и степень реализации репродуктивных установок населения. Численность и возрастной состав фертильных контингентов в России сильно меняются во времени из-за исторически сложившейся демографической волны, т.е. разных по численности смежных реальных поколений. Ее размах весьма масштабен: в 1960 г. родилось 2,8 млн. детей, в 1969 г. – 1,8 млн., в 1987 г. – 2,5, в 1999 г. – 1,2, в 2005 г. – 1,5 млн. [6], в 2016 г. – 1,9 млн. детей [5]. Другие факторы рождаемости детерминируются особенностями репродуктивного поведения населения – действиями людей и отношениями между ними, возникающими в связи с рождением ребенка или отказом от рождения [4]. Репродуктивное поведение определяет итоговое число детей у семьи (индивида) и зависит от способности к зачатию, потребности в детях и субъективной оценки условий жизни как препятствующих либо сопутствующих реализации рождения [1]. Существенное влияние на рождаемость оказывают национальные традиции [8].

В начале 2000-х гг. повышение рождаемости в России было обусловлено улучшением структуры женщин детородного возраста вследствие достижения фертильных возрастов относительно многочисленных поколений 1980-х гг. рождения и реализацией в условиях экономического роста и улучшения уровня жизни населения рождений, отложенных в кризисные 1990-е гг. Во второй половине нулевых годов начал действовать еще один фактор повышения рождаемости: активизация государственной демографической политики, которая в 2011 г. была заметно усилена региональными мероприятиями. С другой стороны, практически в то же самое время, с 2010-2011 гг., возрастная структура, наоборот, начала оказывать негативное действие на уровень рождаемости. В представленной статье мы попытаемся выделить из общего повышения рождаемости в 2007-2015 гг., в период действия просемейной демографической политики, составляющую, которая определяется ее влиянием. Сделаем это по Российской Федерации в целом, а также по ее северным субъектам.

Большинство северных территорий традиционно характеризуется суммарным коэффициентом рождаемости выше среднего по стране, что в основном обусловлено незавершенностью перехода к малодетности у коренных этносов. Стабильно ниже общероссийского уровня рождаемость лишь в Мурманской области, в отдельные годы в Республике Карелия, Магаданской и Сахалинской областях. С начала 2000-х гг. на Севере, как и в целом по стране, после более чем десятилетнего снижения наблюдалось повышение рождаемости [5].

Использование метода стандартизации возрастных коэффициентов рождаемости по коэффициентам 2006 г., предшествовавшего началу активизации демографической политики, позволило элиминировать влияние на изменение уровня рождаемости возрастной структуры и оценить общую эффективность проводимой просемейной политики, выраженной в повышении интенсивности рождаемости. Для России и ее северных регионов для каждого года периода роста рождаемости после введения федерального материнского капитала были рассчитаны гипотетические числа родившихся при реальной возрастной структуре, но при возрастных коэффициентах, принятых за стандарт. В данном случае это коэффициенты 2006 г. Разница между реальными и гипотетическими числами родившихся за 2007-2015 гг. показывает, сколько дополнительных рождений получено только за счет роста интенсивности рождаемости по сравнению с уровнем 2006 г., которые можно оценить как результат реализации демографической политики.

Результативность мер демографической политики

Согласно нашим расчетам, мероприятия просемейной демографической политики оказали заметное влияние на увеличение рождаемости как в целом по России, так и в ее северных регионах (табл. 1). За 2007-2015 гг. в России родилось почти на 20% больше детей, чем их было бы при сохранении интенсивности рождаемости на уровне 2006 г. Благодаря введению демографической политики и наращиванию ее мероприятий в стране произошло более 3,2

млн. дополнительных рождений. На Севере повышение интенсивности рождаемости было в среднем менее значительным: на 18,8% по сравнению с 19,8% по России. Это соответствует 195,6 тыс. дополнительных рождений.

Таблица 1

Стандартизация коэффициентов рождаемости населения России и ее северных регионов по возрастным коэффициентам рождаемости 2006 г., 2007-2015 гг.

Регион	Гипотетическое число родившихся (ГЧР), чел.	Реальное число родившихся (РЧР), чел.	РЧР – ГЧР (чел.)	$\frac{РЧР - ГЧР}{РЧР} \times 100$ (%)
Российская Федерация	13 114 218	16 352 501	3 238 283	19,8
Республика Карелия	56 637	69 519	12 882	18,5
Республика Коми	85 681	107 412	21 731	20,2
Архангельская область	113 222	136 672	23 450	17,2
Ненецкий АО	5 042	6 316	1 274	20,2
Мурманская область	67 745	81 961	14 216	17,3
Ханты-Мансийский АО	184 366	229 528	45 162	19,7
Ямало-Ненецкий АО	61 964	76 407	14 443	18,9
Республика Тыва	50 370	72 214	21 844	30,2
Республика Саха (Якутия)	122 482	146 169	23 687	16,2
Камчатский край	31 520	36 601	5 081	13,9
Магаданская область	14 388	16 580	2 192	13,2
Сахалинская область	47 074	56 504	9 430	16,7
Чукотский АО	6 252	6 429	177	2,8
Северные регионы в целом	846 743	1 042 312	195 569	18,8

Максимальный эффект мер демографической политики среди северных регионов наблюдается в Республике Тыва. Вследствие роста интенсивности за 2007-2015 гг. здесь произошло увеличение числа рождений на 30,2%, что соответствует 21,8 тыс. дополнительных рождений. В Республике Коми количество рождений за счет интенсивности повысилось на 20,2%, т.е. случилось 21,7 тыс. дополнительных рождений. В Ненецком автономном округе произошел рост на 20,2% (1,3 тыс. дополнительных рождений), в Ханты-Мансийском АО – на 19,7% (45,2 тыс. рождений), Ямало-Ненецком АО – на 18,9% (14,4 тыс.). В этих пяти субъектах увеличение интенсивности рождаемости выше среднего по зоне Севера. Но, как видим, лишь в трех из них оно превышает средний по стране уровень повышения.

Различия в мерах демографической политики

При этом все вышеперечисленные регионы существенно различаются по размеру и условиям назначения регионального материнского капитала. В Тыве капитал минимальный (50 тыс. руб.), начал реализовываться только с 1 января 2012 г. и назначается на пятого ребенка. В Ненецком АО после ежегодных индексаций в 2017 г. капитал имеет максимальный размер (свыше 366 тыс. руб.), назначается на третьего ребенка, действует на правоотношения, возникшие с 1 января 2009 г., имеет бессрочный характер и широкий спектр направлений использования. В Коми региональный семейный капитал составляет 150 тыс. руб., что заметно выше среднего по Северу, но он не индексируется, реализуется с 1 января 2011 г. В Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах также существуют большие различия. В ЯНАО изначально был определен максимальный размер 350 тыс. руб., а в ХМАО утвердили среднюю для Севера сумму 100 тыс. руб. и индексируют ее нерегулярно. Иными словами, экономические меры демографической политики имеют, скорее, психологический эффект, который накладывается на существующий в конкретном месте недореализованный репродуктивный потенциал, в основе которого, судя по регионам-лидерам, прослеживается этнический характер.

В северных регионах ДВФО суммарный эффект от федеральных и региональных мер стимулирования рождаемости ниже, а в Чукотском АО – значительно ниже, чем в других северных субъектах. С одной стороны, это можно объяснить крайне негативным контекстом социально-экономического развития округа. В рейтинге социально-экономического положения регионов России Чукотский АО занимает стабильно низкие позиции: в 2010-2015 гг. – от 67-го до 77-го мест из 83 [7]. Хотя по уровню среднедушевых денежных доходов Чукотский АО имеет ранговые позиции выше средних по стране, покупательная способность доходов по сравнению с 1990 г. в округе существенно сократилась, тогда как в целом по России возросла [9]. По величине ожидаемой продолжительности жизни, уровню зарегистрированной безработицы, финансовому положению, возможностям развития малого и среднего бизнеса, по степени удаленности от центральной части России, сложности транспортной связи с ней, а также в связи с суровыми климатическими условиями Чукотский АО также занимает низкие рейтинговые позиции. Ввиду масштабного миграционного оттока, временного характера проживания населения в регионе, неликвидности жилищного фонда, особенно в периферийных районах, спрос на жилье в округе понизился, его доступность возросла, что не обеспечивает высокой востребованности главного направления расходования средств материнских капиталов, как в других регионах, где проблема с жильем обстоит острее. А с другой стороны, слабый эффект демографических мер повышения рождаемости, очевидно, обуславливается происходящим у коренного населения переходом к малодетности, в результате которого репродуктивные установки снижаются, а роль субъективных притязаний в оценке условий жизни в качестве препятствующих или содействующих реализации репродуктивных намерений возрастает. На наш взгляд, менее значительный уровень повышения интенсивности рождаемости в остальных дальневосточных северных регионах так же объясняется ускорением перехода к малодетности.

Еще худшими, чем Чукотский АО, позициями в рейтинге социально-экономического положения регионов России отличается Республика Тыва, которая традиционно занимает одно из последних мест в оценках социально-экономического развития. Однако при этом для региона характерен как высокий уровень рождаемости, так и самые успешные результаты в увеличении ее интенсивности в период активизации демографической политики (30,2% дополнительных рождений). Суммарный коэффициент рождаемости снижался здесь до режима суженного воспроизводства населения лишь на очень короткий период времени (в 1997-2001 гг.). Переход к малодетности у коренного населения Тывы не был ускорен даже многолетней неблагоприятной социально-экономической ситуацией в регионе, поэтому в сельской местности рождаемость не опускалась даже до уровня простого воспроизводства. А с 2007 г. она соответствует режиму расширенного воспроизводства и в городской местности республики.

В большинстве северных территорий увеличение интенсивности рождаемости под воздействием просемейной политики существеннее в сельской местности, где более реальна возможность использовать средства материнского капитала на основное направление его реализации – улучшение жилищных условий [3]. При низком уровне жизни и высокой безработице сельского населения существенным подспорьем для осуществления репродуктивных планов семьи является и выплата малообеспеченным семьям ежемесячного пособия на третьего ребенка в размере детского прожиточного минимума (среди северных регионов в эту программу включены республики Карелия и Коми, Архангельская, Мурманская, Магаданская, Сахалинская области и Камчатский край). В то же время в Чукотском, Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах, Мурманской и Сахалинской областях, как и в целом по России, увеличение интенсивности рождаемости в городских и сельских территориях было почти одинаковым.

Усиление демографической политики региональными мерами

Расчеты показывают, что в 2011-2015 гг., после введения региональных мер демографической политики, при нарастающем ухудшении структуры фертильных контингентов рост интенсивности рождаемости в большей степени способствовал повышению рождаемости, чем

в период 2007-2010 гг. (табл. 2). Иными словами, усиление просемейной демографической политики сыграло заметную нивелирующую роль, компенсируя потери в рождаемости в 2011-2015 гг. от структурного фактора. В целом по стране за четыре года с 2007 по 2010 г. прибавка за счет федерального материнского капитала составляет 922,0 тыс. рождений, а совокупный эффект федеральных и региональных мер за пять лет с 2011 по 2015 гг. – 2,3 млн. дополнительных рождений. В зоне Севера за 2007-2010 гг. совершилось 52,2 тыс. дополнительных рождений, а после наращивания демографической политики региональными мерами – 143,4 тыс.

При этом обращает на себя внимание, что среди населения северных регионов Дальнего Востока в 2007-2010 гг., в период действия лишь федерального материнского капитала на второго ребенка, увеличение интенсивности рождаемости было гораздо менее значительным, чем в других северных территориях страны. А в Чукотском АО интенсивность рождаемости оказалась даже ниже, чем до введения стимулирующих мероприятий, т.е. повышение рождаемости в округе было обусловлено исключительно улучшением возрастной структуры. Усиление демографической политики региональными мерами способствовало росту ее интенсивности. Наиболее существенно по сравнению с 2007-2010 гг. интенсивность рождаемости повысилась в период 2011-2015 гг. в тех субъектах, где помимо федерального и регионального материнского капиталов с 2013 г. малоимущим семьям было установлено ежемесячное пособие на третьего ребенка до достижения им трех лет. Таким образом, анализ показателей рождаемости с применением метода стандартизации показал, что эта мера социальной политики способствовала не только достижению своей социальной цели – улучшению условий жизни нуждающихся семей с детьми, но и повышению уровня рождаемости.

Таблица 2

**Стандартизация коэффициентов рождаемости населения России
и ее северных регионов по возрастным коэффициентам рождаемости 2006 г.,
2007-2010 гг. и 2011-2015 гг.**

Регион	2007-2010 гг.		2011-2015 гг.	
	РЧР – ГЧР (чел.)	$\frac{РЧР - ГЧР}{РЧР} \times 100$ (%)	РЧР – ГЧР (чел.)	$\frac{РЧР - ГЧР}{РЧР} \times 100$ (%)
Российская Федерация	922 047	13,4	2 316 236	24,4
Республика Карелия	3 736	12,2	9 146	23,6
Республика Коми	5 093	10,9	16 638	27,4
Архангельская область	6 829	11,1	16 622	22,1
Ненецкий АО	406	14,8	868	24,3
Мурманская область	3 653	10,1	10 563	23,1
Ханты-Мансийский АО	10 689	11,4	34 473	25,4
Ямало-Ненецкий АО	3 193	10,0	11 250	25,4
Республика Тыва	8 124	25,4	13 720	34,1
Республика Саха (Якутия)	7 135	11,4	16 552	19,8
Камчатский край	941	5,9	4 140	20,0
Магаданская область	421	5,7	1 771	19,2
Сахалинская область	2 020	8,2	7 410	23,3
Чукотский АО	-57	-1,9	234	6,8
Северные регионы в целом	52 183	11,6	143 387	24,2

В результате введения дополнительных экономических мер демографической политики рождаемость повысилась и в городских, и сельских территориях. Однако, как и в целом по России, в городской местности большинства северных регионов величина суммарного коэффициента рождаемости по-прежнему соответствует суженному режиму воспроизводства населения. Исключение составляет Республика Тыва, где городское население характеризуется

режимом расширенного воспроизводства. В 2016 г. уровень простого воспроизводства достигнут в городской местности Ненецкого АО.

Рождаемость сельского населения России в результате действия мер просемейной демографической политики в 2012-2014 гг. вышла на уровень простого воспроизводства, но в 2015-2016 гг. уже вновь соответствует суженному режиму. В республиках Тыва и Якутия, Ненецком, Ямало-Ненецком и Чукотском округах интенсивность рождаемости на селе даже в период демографического кризиса 1990-х гг. была высокой, значительно превосходившей показатели других северных субъектов. Однако за период действия дополнительных мер демографической политики суммарный коэффициент рождаемости в них существенно превысил ранее наблюдавшиеся уровни. В сельских территориях Карелии, Коми и Архангельской области рождаемость перешла к режиму расширенного воспроизводства в 2007-2008 гг. – еще до наращивания федеральной демографической политики региональными мероприятиями. С 2011 г. расширенное воспроизводство сельского населения характерно для Ханты-Мансийского АО, с 2012 г. – для Сахалина. В Магаданской области расширенный режим воспроизводства наблюдался на селе в период 2007-2014 гг., но в последние годы рождаемость снова опустилась ниже уровня простого воспроизводства. В сельских территориях Камчатки в 2013 г. удалось достичь перехода от суженного к простому воспроизводству. А в Мурманской области малочисленное сельское население репродуктивных возрастов, несмотря на повышение рождаемости, так и не вышло за пределы суженного режима, хотя в 2011-2014 гг. вплотную приближалось к границе простого воспроизводства. Наиболее существенно с момента усиления государственной демографической политики дифференциация в разрезе «село-город» стала проявляться в северных регионах СЗФО и в Республике Тыва.

Заключение

Таким образом, мероприятия современной просемейной демографической политики привели к существенному росту интенсивности рождаемости. В результате стандартизации возрастных коэффициентов рождаемости по коэффициентам 2006 г., предшествовавшего началу активизации демографической политики, выявлено, что за 2007-2015 гг. в России родилось почти на 20% больше детей, чем их было бы при сохранении интенсивности рождаемости на уровне 2006 г. Благодаря введению демографической политики и наращиванию ее мероприятий в стране произошло более 3,2 млн. дополнительных рождений. В северных субъектах федерации за счет изменений в репродуктивном поведении населения родилось на 195,6 тыс. больше детей (на 18,8%). Наращивание мероприятий просемейной политики региональными мерами определило увеличение вклада поведенческой компоненты в общий уровень рождаемости практически в два раза. Если за 2007-2010 гг. интенсивность рождаемости повысилась в России на 11,6%, что дало 922 тыс. дополнительных рождений, то в 2011-2015 гг. изменения в репродуктивном поведении населения существенно скомпенсировали неблагоприятное воздействие на рождаемость структурного фактора, число рождений увеличилось на 24,2%, что соответствует 2,3 млн. дополнительных рождений.

Самые значительные темпы прироста суммарного коэффициента рождаемости как по стране в целом, так и среди большинства северных регионов наблюдались сразу после начала реализации мероприятий федеральной демографической политики, что свидетельствует о мгновенной реакции населения [10]. Стагнацию и сокращение уровня рождаемости предотвратило развитие с 2011 г. региональных мер демографической политики. Однако в последние годы в большинстве северных регионов уже проявляется снижение суммарной рождаемости. После длительной положительной динамики в 2016 г. было зафиксировано уменьшение суммарного коэффициента и в целом по стране. Для того чтобы предотвратить устойчивость отрицательной динамики и углубление снижения рождаемости, важно сохранять выбранный курс демографической политики и наращивать ее мероприятия. Несмотря на сложность цели, в России необходимо выработать парадигму демографической политики государства, одновременно отвечающей сразу двум важным задачам: осуществлению социальной поддержки семей с детьми и формированию равномерной интенсивности рождаемости в долгосрочной перспективе для максимального сглаживания ее волновых колебаний.

Литература

1. Архангельский В. Н. Факторы рождаемости в России // Демографические перспективы России. – М.: Экон-Информ, 2008. – С. 253-265.
2. Калачикова О. Н., Шабунова А. А. Возможности и резервы повышения рождаемости в России // Проблемы развития территории. – 2013. – № 6 (68). – С. 66-72.
3. Кучмаева О. В. Возможности статистики в оценке эффективности социальных проектов // Статистика и экономика. – 2010. – № 5. – С. 96-103.
4. Медков В. М. Демография. – Ростов-на-Дону, 2002.
5. Официальный сайт Росстата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 30.01.2018).
6. Переведенцев В. И. Демографические перспективы России // Социологические исследования. – 2007. – № 12. – С. 58-69.
7. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ в 2011-2015 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions (дата обращения 11.05.2018).
8. Римашевская Н. М., Бочкарева В. К., Мигранова Л. А., Молчанова Е. В., Токсанбаева М. С. Человеческий потенциал российских регионов. Демографическая составляющая человеческого потенциала // Народонаселение. – 2013. – № 3. – С. 82-141.
9. Фавстрицкая О. С. Формирование инвестиционного механизма жилищных рынков в условиях депрессивных северных регионов (на примере Магаданской области): дис. ... канд. экон. наук. ФГУ «ФИЦ «Информатика и управление» РАН». – М., 2017.
10. Фрейка Т., Захаров С. В. Эволюция рождаемости в России за полвека: оптика условных и реальных поколений // Демографическое обозрение. – 2014. – № 1, Т. 1. – С. 106-143.

POPOVA Larisa Alekseevna,

*Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Science,
Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North,
Komi Scientific Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Science,*

ZYRYANOVA (SHISHKINA) Maria Alexandrovna,

*Junior Researcher, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North,
Komi Scientific Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Science*

Contribution of Demographic Policy in the Birth Rate Increasing in Russia and its Northern Regions

In the second half of 2000s, Russia introduced the population policy, aimed at stimulating the second and subsequent births and improved wellbeing of the families with children. The population in most Northern regions in Russia passed to the small family model, thus the question about birth rate increasing is relevant. The aim of the conducted research is the detection of the role of new measures of the population policy (first of all, payment of federal and regional maternity (family) capitals) on the intensity of birth rate in Russia and its Northern regions for estimation of their effectiveness. The research used the method of standardization of the age specified fertility coefficients by coefficients of 2006 – the year before introduction of the modern demographic initiatives. This method allowed eliminating the impact of changes in the age structure of the population on the birth rate. We calculated the hypothetical number of born children given the real age structure, but with the age specified fertility coefficients of 2006, adopted as a standard. Difference between real and hypothetical number of births demonstrated the number of additional births, which was due to increased birth rate intensity.

During the research, we identified that in 2007-2015, in the period of the grown birth rate due to the pro-family population policy, compared to the intensity of fertility of 2006, the number of born children increased by almost 20% (3.2 million). The Northern regions saw 195.6 thousand additional births due to the grown birth rate intensity. The enhancement of the pro-family policies by regional measures in 2011 resulted in increased impact of the behavioral component on the total birth rate level almost twice. Thus, the payment of federal and regional maternity (family) capitals significantly influenced the growth in the intensity of fertility. It maximal increase happened immediately after introduction of the measures, stimulating the fertility of second and third (subsequent) order. The positive fact is that the measures of the modern population policy affected the improvement of material wellbeing of families with children, in particular, in terms of solving their housing

issues. On the other hand, the sudden increase in the birth rate intensity entails following rarefaction in births calendar, which has negative impact on birth rate prospects. It is necessary to find such mechanism of population policy that take this fact into account, to form more uniform dynamics of birth rate, which is already unstable due to strong fluctuations of demographic waves.

Keywords: birth rate, population policy, age structure, intensity of birth rate, reproductive behavior, federal maternity (family) capital, regional maternity (family) capital, method of standardization of age coefficients, population reproduction, Northern regions.

The article is prepared in the framework of the research “Demographic and labor factors of sustainable development in the Northern regions of Russia” (No. GA AAAA-A16-116021210329-2, 2016-2018).

References

1. Arhangel'skij V.N. Faktory rozhdanosti v Rossii [The factors of fertility in Russia]. *Demograficheskie perspektivy Rossii* [Demographic prospects of Russia]. Moscow, Ekon-Inform Publ., 2008, pp. 253-265 (in Russ.).
2. Kalachikova O.N. and Shabunova A.A. Vozможности i rezervy povysheniya rozhdanosti v Rossii [Opportunities for and potential of the birth rate increase in Russia]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2013, no. 6 (68), pp. 66-72 (in Russ.).
3. Kuchmaeva O.V. Vozможности statistiki v ocenke effektivnosti social'nyh proektov [Opportunities of statistics in the evaluation of the effectiveness of social projects]. *Statistika i ekonomika* [Statistics and economics], 2010, no. 5, pp. 96-103 (in Russ.).
4. Medkov V.M. *Demografiya* [Demography]. Rostov-na-Donu, 2002 (in Russ.).
5. Oficial'nyj sajt Rosstata [online] Available at: <http://www.gkPP.ru/> [archived in WebCite] (accessed 30.01.2018) (in Russ.).
6. Perevedencev V.I. Demograficheskie perspektivy Rossii [Demographic prospects of Russia]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2007, no 12, pp. 58-69 (in Russ.).
7. Rejting social'no-ekonomicheskogo polozheniya sub'ektov RF v 2011-2015 gg. [online] Available at: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions [archived in WebCite] (accessed 11.05.2018) (in Russ.).
8. Rimashevskaya N.M., Bochkareva V.K., Migranova L.A., Molchanova E.V. and Toksanbaeva M.PP. Chelovecheskij potencial rossijskih regionov. Demograficheskaya sostavlyayushchaya chelovecheskogo potenciala [Human potential of the Russian regionPP. The demographic component of human potential]. *Narodonaselenie* [Population], 2013, no. 3, pp. 82-141 (in Russ.).
9. Favstrickaya O.PP. Formirovanie investicionnogo mekhanizma zhilishchnyh rynkov v usloviyah depressivnyh severnyh regionov (na primere Magadanskoj oblasti): diPP. ... kand. ekon. nauk. FGU «FIC «Informatika i upravlenie» RAN». [Formation of the investment mechanism of housing markets in the conditions of depressed northern regions (on the example of the Magadan Oblast: Ph.D. in Economics dissertation)], Moscow, 2017 (in Russ.).
10. Frejka T., Zaharov PP.V. Evolyuciya rozhdanosti v Rossii za polveka: optika uslovnyh i real'nyh pokolenij [Evolution of fertility in Russia for half a century: the optics of conditional and real generations]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic review], 2014, no. 1, vol. 1, pp. 106-143 (in Russ.).

ПОПОВА Лариса Алексеевна – д. э. н., доцент, заместитель директора по научной работе, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук.

E-mail: popova@iespn.komisc.ru

POPOVA Larisa Alekseevna – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director for Science. Federal State Financed Scientific Institution “The institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North” Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

ЗЫРЯНОВА (ШИШКИНА) Мария Александровна – м. н. с., Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук.

E-mail: maria-shishkina18@mail.ru

ZYRYANOVA (SHISHKINA) Maria Alexandrovna – Junior Research Associate, Federal State Financed Scientific Institution “The Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North” Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.